

Система исторической психологии Л. С. Выготского и некоторые положения к ее анализу (тезисы)*

П. Я. Гальперин

4 января 1935 года, Москва**

I. СИСТЕМА

Основная идея системы — идея своеобразного развития и строения человеческого сознания.

На каждом слове этого положения можно сделать логическое ударение. Но три момента во всяком случае заслуживают выделения.

Первый — идея развития, как руководящая идея психологического исследования, имеющая решающее значение для понимания генеза, структуры, функции и значения отдельных психологических образований.

Второй — идея двух типов психологического развития: животного и человеческого и, соответственно, двух типов психологических процессов: низших, естественных, и высших, культурных и, далее, двух типов сознания: инстинктивного и разумного.

Третий — идея утверждает, что своеобразие человеческого сознания заключается в его системном и смысловом строении.

Удобнее всего рассматривать систему, следуя этому последнему указанию, т. е. сначала выяснить ее системное строение, затем ее смысловое содержание и, наконец, развитие человеческого сознания в целом; это путь от схемы к все более полному и цельному пониманию.

А. Системное строение сознания

Прежде всего мы встречаемся здесь с двумя основными фактами.

Первый из них заключается в том, что человеческое сознание развивается.

Каковы законы и общий ход развития человеческого сознания? Л. С.*** выделяет три закона: метаморфозы, цикличности и неравномерности развития. Но первые два закона представляют собой не что иное как общую характеристику развития и поэтому собственно основным законом, имеющим решающее значение для формирования сознания ребенка, является закон неравномерности развития.

Неравномерность эта говорит о том, что среди функций сознания одна всегда оказывается *доминирующей*; она является преобладающей деятельностью сознания, она определяет собой его характер и

закономерности на данном этапе развития; все остальные функции действуют и проявляются, главным образом, в ней и через нее.

Неравномерность развития выражается далее в том, что функции выделяются к доминированию *поочередно*: сначала восприятие, за ним — память и, наконец, мышление. Это выделение означает: для самих функций — первую дифференциацию, первое обособление в качестве самостоятельной деятельности, а для сознания в целом — первое его структурирование.

Но, собственно говоря, взаимоотношение функций начинается лишь с появления функций во множественном числе, т. е. с появления второй (и последующих) функций. Выделение доминирующей функции на фоне уже существующей функциональной иерархии, естественно, меняет отношения между вновь утверждающейся функцией и функциями, уже существующими в сознании. Как это происходит — вам известно. Но важно подчеркнуть, что наступающее изменение отношений между функциями, и прежде всего *переподчинение* остальных функций новой доминанте, становится вторым принципом дифференциации функций и вместе с тем новым орудием дифференциации и организации сознания.

Итак, поочередное выделение функций ведет к тому, что между ними устанавливаются сложные взаимоотношения, причем одна из них всегда оказывается доминирующей, а остальные находятся в подчиненном к ней положении. В результате сознание выступает как иерархическая система функций с особым характером закономерностей, которые и определяют соответствующий этап развития.

Второй основной факт состоит в том, что сознание, как иерархическая *функциональная система*, развивается только у человека и *связана с появлением культурных приемов* психической деятельности. Эти культурные приемы суть операции, опосредствованные знаком, и, таким образом, вопрос о развитии системного строения сознания сводится к вопросу о: 1) происхождении, 2) развитии и 3) функциональном значении знака.

Что касается происхождения, то опосредствованные знаковые операции оказываются не чем иным

* Публикация из научного архива П. Я. Гальперина подготовлена М. А. Степановой.

** В оригинале статья занимает 20 машинописных страниц; в приводимом ниже тексте сохранено авторское оформление материала: отступы, шрифтовые выделения, соподчинение заголовков.

*** Здесь и далее — Л. С. Выготский.

как формами общения между людьми данного общества, нормами общения, которые «врастают внутрь» и становятся психологическими операциями личности. Это формулируется в законах: опосредствования, социогенеза и интериоризации высших психологических функций.

Развитие опосредствованных операций *у ребенка* проходит четыре этапа: стадию естественную, стадию наивно-психологическую, стадию внешнего и, наконец, внутреннего опосредствования. Общая закономерность развития опосредствованных операций дана в «законе параллелограмма». И закон этот, и указанные четыре этапа имеют, как мы увидим, то существенное значение, что указывают на относительно позднее появление опосредствованных психических операций.

Функциональное значение опосредствования знаком (своей психической деятельности) для преобразования сознания заключается в следующем. Использование знака предполагает определенное сотрудничество элементарных функций, а следовательно:

знак завязывает новые и меняет старые межфункциональные отношения;

становится структурным и функциональным центром новых сложных психологических образований;

выделяет в сознании новые функции и производит разделение высших функций от низших.

Он становится, таким образом, орудием системного строения и его собственно человеческого развития.

Вывод. Высшие психологические функции суть внутренние операции, опосредствованные формами общения.

Выделение высших психологических функций определяется выделением соответствующей внешней деятельности.

Порядок этого выделения определяется порядком опосредствования в общении, т. е. социально.

В самом деле, последовательное выделение функций: восприятие — память — мышление суть выражение последовательного расширения сферы деятельности и переход к все менее наглядным ситуациям; количественное возрастание объема деятельности и все более свободный отход от наглядной ситуации требует для своей реализации качественного изменения соответствующей психологической деятельности.

Следовательно, и образование функций, и выдвижение их к доминированию, и порядок этого выдвижения определяются социально.

Сознание как иерархическая система функций и высшие психические функции как деятельности сознания — явление историческое, специфически человеческое.

Б. Смысловое строение сознания

До сих пор система выступала формально. Это — сложный и тонко действующий автомат. Естественно, потому что мы отвлекались от ее внутреннего содержания. Но без этого внутреннего содержания, по сути дела, нельзя понять и внешнего строения системы; ибо до сих пор мы просто принимали, что дело

происходит так, как оно описано выше, не вскрывая движущих сил и причин того, почему же оно происходит именно так, а не иначе.

Для того чтобы раскрыть внутренние механизмы, настоящее лицо высших психологических функций, нужно обратиться к тому, что служит орудием образования этих высших психологических функций, — к внутреннему содержанию опосредствованного акта.

Строение опосредствованного акта определяется двумя моментами: задачей и средством. Раньше мы удовлетворялись тем, что выделяли средство как решающий момент операции: оно, говорили мы, превращает операцию в опосредствованный акт, и при одной и той же задаче характер опосредствованного акта определяется строением средства. Но теперь мы нуждаемся в более углубленном анализе опосредствованного акта в целом.

Что такое задача? Это — то, чего желают достигнуть, то, что нужно разрешить. Но если нечто нужно достигнуть, значит есть основание, почему это нужно сделать, — за задачей лежит *мотив*, побуждающий ставить эту задачу.

Итак, мы имеем *задачу* и *мотив*. Каково отношение между ними?

Мотив находится «сзади», «глубоко во мне», задача — то, что «впереди», то, что подлежит овладению.

Мотив — субъективное, внутреннее, задача — противостоящее мне, в этом смысле внешнее, объективное; объективное всегда уже потому, что оно оформляется той действительностью, которая противостоит мне в задаче.

Мотив — выражение потребности, задача — то, что должно ее удовлетворить.

Задачу можно было бы назвать обратным и объективным выражением мотива.

Но — мотив может иметь несколько выражений (у ребенка: «хочу играть» — мотив один и разные задачи, в зависимости от возможности играть).

Итак, соотношения между мотивом и задачей, с одной стороны, чрезвычайно тесны, с другой — они в значительной мере свободны и при этом всегда обратны.

Средство — знак, с помощью которого «кто-то общается что-то кому-то». Знак, таким образом, во-первых, означает некоторую действительность и, во-вторых, является звеном некоторой деятельности. Но и сама эта деятельность оказывается двойного порядка, она:

деятельность сообщения, общения и часть той более широкой деятельности, которая, имея самостоятельное объективное существование, может впервые обеспечить функцию знака как передатчика значения.

Можно было бы сказать, что знак имеет два значения: собственное значение знака и значение той действительности, внутри которой он выполняет функцию знака.

Собственное значение знака — это обобщение означаемой действительности в процессе общения и, следовательно, совокупность внутренних операций этого обобщения.

Второе значение знака, остающееся скрытым, но впервые делающее возможным его явное значение, — это значение речи внутри трудовой деятельности.

В отношении знака и его значения выражается отношение речи и ее индивидуально психологического преломления — идеальной формы и ее реально-психологического содержания. Эти отношения не однозначны. Подобно отношению задачи и мотива, они меняются, и в процессе овладения идеальной формой возникает ряд последовательных приближений к ней, ряд качественно различных реально-психологических ее преломлений.

Таким образом, мы имеем: нестойкое отношение между мотивом и задачей и меняющееся отношение между знаком и его значением. Наконец, само отношение между задачей и средством опосредствованного акта также не остается постоянным: одна и та же задача может решаться разными средствами и поэтому именно сходство, характер применяемой системы знаков определяют характер опосредствованной операции.

В результате мы получаем четыре звена: значение, знак, задача, мотив. Они образуют собой непрочно сочлененную цепь, но относительная свобода звеньев ее сохраняется лишь до тех пор, пока их связь выступает перед нами внешне и формально. Это положение решительно меняется, как только они включаются в систему реальной деятельности, которая, руководясь мотивом, решает задачу с помощью осмысленных средств.

В этой осмысленной деятельности они образуют не две стороны: внутреннюю и внешнюю, дело обстоит не так, что на одной стороне выступает задача и средство, а на другой — мотив и значение; но это также не последовательные этапы развертывающейся деятельности — они образуют как бы растянутую во времени структуру, причем в каждом переживаемом этапе присутствуют все остальные.

Это единство мотива, значения, реального средства и поставленной задачи и есть единство осмысленного действия, и это *действенное единство и есть смысл*. Отделение одного звена от другого ведет к утрате смысла (в ситуации, когда ребенок по той или иной причине оказывается не в состоянии действовать, задача перестает быть для него задачей и мотив утрачивает для него свое побудительное значение мотива к действию). Лишь включение всех их в действие ведет к тому, что мотив становится мотивом, задача выступает как нечто, требующее разрешения и деятельности, а деятельность получает смысл.

Вывод. Итак, высшие психологические функции, представляющие собой опосредствованный акт, суть не что иное, как осмысленные действия.

Осмысленное действие означает определенную организацию внутреннего мира и определенное отношение к внешнему миру.

Сознание выступает как система не механических функций, а осмысленной деятельности. Системная организация сознания означает организацию осмысленной деятельности, а доминирующая в этой иерархической организации функция — центральную осмысленную деятельность сознания на данном этапе его развития.

Отношение к внешнему миру выступает в новом свете. Внешний мир, представленный в мотиве, значении и задаче, да и самом знаке, включенном как орудие в деятельность, становится интегральной частью мира внутреннего.

Опосредствованное действие выражает, таким образом, форму и степень осознания мира и себя в этом мире.

Сознание человека в целом отличается от сознания животных не отдельными элементами, не составом, а своим строением, которое сейчас выступает как отношение к миру, к действительности.

В. Развитие сознания

Сознание как система осмысленной деятельности развивается через развитие осмысленного действия. Осмысленность же действия выражается в характере задачи этого действия и средства, применяемого для ее решения. Развитие осмысленности выражается в изменении задачи и средства.

Но: за изменением задачи стоит изменение мотива и средства, а за изменением средства — изменение значения. Следовательно, основное в развитии осмысленности — это изменение мотива и значения знака.

Изменение мотива может быть обусловлено и биологически, но на одной и той же биологической основе изменение мотива определяется только изменением значения — и в этом заключается собственно человеческое развитие.

Ключ к развитию смысла и осмысленного действия есть, таким образом, развитие значения.

Что является источником развития значения? Развитие значения движется *взаимодействием идеального значения речи и ее реально психологического содержания* у ребенка. Влияние среды преломляется через фонд наличных значений ребенка и имеет *для него* относительное значение, но *для его развития*, для содержания, механизмов, направления и темпов его развития оно имеет значение решающее. Значение знака есть определяющий момент на каждой ступени развития, идеальная форма есть та действительность, к совпадению с которой стремится развитие.

Значение знака есть одновременно обобщенная действительность и, как обобщение, совокупность внутренних операций, входящих в осмысленную деятельность.

Оно показывает одновременно уровень осознания действительности и уровень овладения собственной деятельностью.

Поэтому развитие значения, т. е. реально *развитие осмысленной деятельности есть развитие разумности и свободы сознания.*

II. КРИТИКА

В настоящей критике я попытаюсь сделать следующий эксперимент: подвергну отчуждению систему, представив ее себе так, как ее мог бы увидеть умный

враг. Это необходимо для того, чтобы понять, в чем ее слабые места и не только те, которые мы находим в ней сегодня, но и те, которые могли бы обнаружиться в ней при дальнейшем развитии заложенных в ней положений.

Что является центральной частью системы, что является решающим ее звеном? Это учение об опосредствованном акте. Опосредствованный акт строит систему. С него начинается разделение на высшие и низшие психологические функции. В генезе опосредствованного акта открывается связь с исторической жизнью (социальным общением). Функциональное значение опосредствованного акта открывает дорогу к учению о системном строении сознания. И, наконец, через внутреннее строение опосредствованного акта мы подходим к учению о смысловой структуре сознания.

Как выступает учение об опосредствованном акте в системе? Сначала рассмотрим его с внешней стороны, по времени, когда он вступает в психологическое развитие ребенка.

Здесь мы встречаемся прежде всего со следующей двойственностью:

с одной стороны, общение — источник знаковых операций, оно опосредствует психологические процессы; однако лишь для другого;

с другой стороны, общение не есть психологическое явление, оно — явление общественного порядка; и не всегда оно бывает опосредствованно; общение не означает опосредствование психологических операций для себя и потому еще не означает вообще опосредствования.

В системе подчеркивается именно второе положение. И учение о четырех стадиях развития опосредствования, и общая закономерность его, выраженная в законе параллелограмма развития, подчеркивают то обстоятельство, что собственно-психологическое опосредствование начинается относительно поздно. Это значит, что

значительная часть развития проходит вне опосредствования, функции восприятия, памяти, мышления выделяются в силу естественного созревания, и, следовательно, отдельные функции и функциональная система в целом становятся естественным, а не общественным историческим образованием.

Различие высших и низших психологических функций, различие животного и человеческого сознания становятся внеисторическим. И поскольку это различие остается, лишаясь конкретных исторических возможностей своего осуществления, оно становится фактом сверхъестественным не в смысле историчности, фактом ярко идеалистическим.

Далее. Развитие опосредствованного ставится в связь с развитием интеллекта: функции сначала созревают, а потом опосредствуются на основе окрепшего интеллекта.

Развитие понимается как результат двух факторов и их конвергенции: фактора биологического, исходного, и фактора социального, конечного, являющегося в этом смысле идеальной формой.

Таким образом, по этой линии, если ее развивать в систему, мы получаем возврат к биосоциальной концепции французской социологической школы и утрату собственной теории.

Но хотя этот уклон заложен в теории, он не является необходимым. Однако чтобы его преодолеть, нужно:

отнести начало опосредствования к факту общения в человеческом обществе, т. е. к первому крику ребенка. Нужно поднять значение этого факта, который до сих пор оставался недооцененным и неисследованным, иначе говоря, нужно подвести исследование речи и ее значения для сознания к ее истокам;

переоценить значение того, что называлось до сих пор развитием опосредствования у ребенка и законом параллелограмма его развития. Нужно ограничить общее значение этого закона и тем самым установить роль опосредствования своих психологических процессов *для себя*, роль осознания собственной речи. Ибо это не общий факт опосредствования, а частный, хотя и очень важный его случай.

Теперь мы рассмотрим опосредствованный акт с его внутренней стороны, со стороны его строения.

Общение выступает как непсихологический, социальный резервуар опосредствованных знаковых операций, откуда знак берется уже в готовом виде, в форме внешнего средства для передачи внутреннего значения.

Психологическое ударение ставится в системе на значении, которое в развитии ребенка меняется при неизменном знаке. Но связь значения и знака представляется психологически существенной только с той точки зрения, что она через знак фиксирует значение и делает его тем самым всегда доступным. Эта связь между знаком и его значением обусловлена исторически, а не психологически. Психологически она представляется внешней (условно рефлекторной), бесструктурной и, следовательно, постоянной. Значение знака может меняться, но связь знака с любым его значением остается постоянной, чисто внешней.

И это ведет к двум обстоятельствам:

1. Все дело в значении. Знак — лишь символ значения. Он не выводит за пределы сознания.

Опосредствованные процессы *не преодолевают субъективизма* прежней психологии; они преодолевают бихевиоризм, чтобы вернуться к субъективизму. Опосредствованный акт, который раскрывается как осмысленная деятельность, есть деятельность внутри собственного сознания. Таким образом, это, правда, сугубо психологическая, но зато *чисто теоретическая деятельность*.

Естественно, что субъект этой деятельности называется таким *чисто теоретическим субъектом, сознанием*.

Далее, значение — это обобщенное отражение действительности. Но обобщение определяется формой общения и, следовательно, отображение действительности в сознании определяется формой его общения с другими сознаниями, — личное сознание

определяется не действительностью, а общественным сознанием. В системе это выступает в форме утверждения, что воспитание является движущей силой развития. Получается:

общественное сознание определяет личное, а личное сознание определяет общественное (ибо среда имеет относительное значение для личности, а взаимодействуя с другими личностями, она, конечно, определяет их). Круг французского материализма: общество влияет на человека, человек на общество.

2. Знак остается внешней вещью, по существу, не связанной с значением. Именно в качестве внешней вещи он играет и может играть роль фактора, опосредствующего внутренние операции и перестраивающего их в высшие психологические функции. Но

в качестве внешнего средства или приема, требующего известной комбинации психофизических функций, он принципиально ничем не отличается от всякого другого внешнего приема или средства и незнакового характера.

Эта натурализация знака приводит

к натуралистическому пониманию механизма образования высших психологических функций и, следовательно,

к невозможности объяснить ни их происхождение, ни их структуру, т. е. места и роли в них знака.

В основе этого натурализма лежит

неверное понимание своеобразия высших психологических функций как своеобразия структуры вообще, структуры, представляющей собой не что иное как новое сочетание тех же низших психологических функций. Это — абстрактное понимание, при котором совершенно пропадает собственное содержание и своеобразие высших психологических функций;

неверное понимание отношения высших и низших психологических функций как отношения собственно психологических и собственно физиологических функций. Но отношение высших и низших психологических функций не есть отношение функций физиологических и психологических.

Итак, можно было бы сказать, что постоянное, внешнее, бесструктурное и непсихологическое отношение значения и знака этого решающего звена опосредствующего акта ведет к тому, что система, если принять ее в настоящем виде,

скатывается в лоно французской социологической школы и

остается незамкнутой «сверху» и «снизу».

Она не замкнута «сверху», потому что сознание выступает в ней только как иерархическая система осмысленной деятельности. Но за деятельностью лежит мотив — мотивы остаются несведенными, и вместо пучка функций выступает пучок мотивов.

Система остается незаконченной «снизу», потому что знак выступает в своей двойной функции — индикации и коммуникации — как самостоятельное образование. Но из него самого не может быть понято ни его единство, ни его образование, ни его функция. Ибо каждая из этих функций предполагает другую, но ни каждая из них в отдельности, ни обе они вмес-

те не могут быть образованы без помощи чего-то «постороннего» — знак образуется как часть действительности, в которую входят общающиеся и внутри которой знак и его значение образуют равноправные и равновещественные ингредиенты.

Итак, в системе на сегодняшний день

нет того, кто действовал бы, побуждаемый тем или другим мотивом, и

нет реальной действительности, внутри которой могла бы развернуться его собственно психологическая жизнь, —

нет личности и ее реальных отношений, т. е. системы окружающей ее необходимости.

Необходимо ли соскальзывание к французскому социологизму? Нет, иначе мы не стояли бы на позициях этой теории. Наша теория представляет собой на сегодня не столько систему, сколько ряд основных фактов и положений. *Ничто* из них *не должно быть отвергнуто*, но *все должно быть понято иначе* в некоем более широком контексте, в который они необходимо должны быть включены.

Но именно поэтому не следует преуменьшать опасности. Нельзя обманываться близостью действительности, которая так ярко, хотя односторонне охвачена в теории. Нужно в ее положениях и фактах усмотреть концепцию, которая могла бы возникнуть из них, если их взять так, как они сегодня выступают. И нельзя забывать, что тогда они укладываются именно в систему французского социологического позитивизма.

Что нужно для того, чтобы избежать этого неверного замыкания системы?

1. Рассматривать учение о сознании как ступень к учению о личности. Ключом к этому учению должно служить *дальнейшее исследование осмысленного акта*, и прежде всего, исследование процесса образования задачи и мотива. Мы говорили, что структура опосредствованного акта определяется задачей и средством, которым является знак. Но вся система до сих пор строилась только на исследовании роли знака и его значения. Исследование задачи и мотива оставалось в стороне — но именно за задачей стоит мотив и личность.

2. *Вернуться к исследованию «естественной истории знака»*. Только следует не упускать из виду, что эта история не может быть естественной историей, что она есть общественная история и берет начало в труде, т. е. в таких отношениях, в которых люди и вещи включаются в постоянную, активную и необходимую для них структуру.

3. Наконец, в методологическом отношении самое важное, что единственно может обеспечить надлежащую разработку этих направлений, заключается в том, чтобы *перейти от срезового исследования к исследованию причинному*.

Это дальнейший шаг, но не просто дальнейший шаг, а вместе с тем принципиальное изменение позиций. Срезовое исследование устанавливает то, *как* ведет себя испытуемый, какова структура его осмысленной деятельности. Предмет рассматривается изнутри, даже если это «изнутри» лежит за пределами

внутреннего мира испытуемого. Это срезовое исследование устанавливает, *что* есть мир для испытуемого. Но в результате мы всегда получаем лишь констатацию факта, срез. «Почему?» остается без ответа.

Причинное исследование должно дать это «почему». Но для этого оно должно покинуть точку зрения субъекта. Оно должно перейти на точку зрения той необходимости, которая окружает субъекта и определяет его, хотя отражаются неполным образом в его сознании и действии. Это исследование устанавливает не что есть мир *для испытуемого*, а что *есть мир* для испытуемого.

Идеальная форма, говорит Л. С., имеет для ребенка лишь относительное значение. Этот термин удобен практически, но ложен теоретически. Необходимость, определяющая субъекта, не есть идеальная форма. Она никогда не входит полностью ни в сознание, ни в деятельность. В той мере, в какой она входит в сознание, она не столько осваивается, сколько преобразуется и преодолевается.

Переход к исследованию необходимости можно было бы сравнить в истории химии с переходом от исследования качественных своеобразий химических соединений к их характеристике по весу. Это было историческим делом Лавуазье. Следующий такой же решающий шаг химии — периодический закон. Он также связан с ориентацией на атомный вес. Менделеев — не философ, но посмотрите, какую философию развивает он, когда пытается понять удельный вес элементов как внутреннее и интимное их свойство. И только благодаря тому, что он выстраивает все элементы в линейный ряд именно по этому не химическому признаку их, по их атомному весу, только благодаря этому ему удается установить внутри этого линейного ряда периодичность их собственно химических свойств. Атомный вес не химическое, а физическое свойство химических элементов, но только благодаря использованию этого основного признака из ближайшей и основной для химии науки удается обнаружить и собственно химические закономерности.

Так и нам в психологии нужно перейти к характеристике психологического не только по их внутреннему качеству, но и по тяготеющей над ними необходимости.

Пафос Л. С. — это пафос разумности и свободы человеческого сознания. На нашей ступени развития теории, если мы хотим серьезно принять этот пафос, мы должны обеспечить его со стороны необходимости, мы должны найти ту необходимость, которая обеспечила бы реализацию идеи.

Пафос Л. С. — это пафос разумности и свободы человеческого сознания. На нашей ступени развития теории, если мы хотим серьезно принять этот пафос, мы должны обеспечить его со стороны необходимости, мы должны найти ту необходимость, которая обеспечила бы реализацию идеи.

Повторяю: система не замкнута. Она может замкнуться в французском позитивизме. Для того чтобы этого не произошло, *нужно перейти от анализа сознания к анализу реальной личности в ее реальных отношениях именно со стороны необходимости*, с какой она определяет субъекта. Ибо самый человек — вы помните определение Маркса — есть не что иное как «сгусток общественных отношений». Поэтому, мне кажется, и основную задачу нашего этапа было бы правильно сформулировать так: перед нами стоит задача — прорваться к марксизму.

А как это сделать — это в некоторой мере было мной указано и в отрицательной и в положительной части анализа системы.

The System of Historical Psychology of L. S. Vygotsky and Some Notions to its Analysis (abstracts)

P. Ya. Galperin